

Торе плескалось во мне, подобно пенистой кромке океана, что набегает на берег пляжа и с каждым касанием ледяной воды заставляет ноги дрожать от холода. Слез не было, хотя сердце расколосось пополам.

Ни для чего не было времени. Последние два дня прошли как в тумане. Доминик сумел придумать беспрюирышный и надежный план. В чем же он заключался? Его капитан стражи, Скарлетт, должна была тайно договориться с Ванаторами, чтобы те уничтожили Эдмунда Гнусного.

Скарлетт нужно было привести Эдмунда к Северной Крепости, где Ванаторы — люди-охотники на вампиров — устроили бы на него засаду, а после обезглавили, тем самым положив конец его правлению. Затем Уильям, младший брат

Доминика, сделал бы решающий шаг: он изгнал бы Ванаторов и занял место Короля Территории Вампиров.

Но в результате все пошло не так, как надо.

Скарлетт отвернулась от Доминика.

Эдмунд убил единственного человека Доминика, который был внедрен в его совет, — Фрэнка Элезара.

Ванаторы рассеялись, а хуже всего... Джордана убили.

Моего Джордана.

Парня, которого я пришла спасти и который был мне как брат, оказался застреленным самой Скарлетт.

Даже с закрытыми глазами я ясно видела Джордана в тот момент, когда он, находясь в моих объятиях, испускал свой последний вздох; жизнь в его глазах так быстро угасла, что шансов на исцеление не было.

Прощай, Сиси.

Я с трудом сглотнула, а затем медленно втянула носом воздух, не в силах заплакать. В сердце было так много трещин, что если я зареву, поток будет не остановить. Похороны должны скоро начаться, но мне нужно было... что-то. Может, просто минутка на раздумья. Из-за плотного тумана боли, окутавшего меня, я сейчас не смогу ни с кем встретиться и посмотреть им в глаза. Пока нет.

Тонкое светло-голубое щупальце вынырнуло из воды, его кончик коснулся моей голой икры.

Горе кракена добавилось к моему, но плотина слез все равно не прорвалась. Давление в груди нарастало с такой силой, что начало казаться, будто меня обмотали металлическими лентами, что сжимались с каждым вздохом.

Я все это время боролась, строила планы и проделывала весь этот путь ради Джордана и ради того, чтобы подобраться ближе к нему. Но все оказалось зря, ведь в результате его у меня отняли.

Согласился бы он пойти с тобой?

Действительно ли ты хотела уйти?

Предательские мысли вбивали клинья между тем, что было правдой, и тем, что я хотела таковой считать. Это были фантазии о спасении Джордана и нашем возвращении домой, на материк, — туда, где я полностью осознавала всевозможные опасности и могла им противостоять.

Но был бы он счастлив? Здесь Джордан жил с семьей, которая любила его. Здесь он умер героем.

Внезапно позади меня протрубил горн, прервавший мои мысли; тихий скорбный звук возвестил о начале похорон.

Перед уходом я быстро наклонилась и погладила щупальце кракена, а затем, отряхнув ноги, натянула носки и ботинки.

Лохлин находился примерно в тридцати футах от меня. Так я имела хотя бы немного личного пространства, но тем не менее все равно четко ощущала его присутствие, тенью нависающее надо

мной. После нападений на меня (на случай, если кто-то ведет счет, теперь их было два) Диана не хотела рисковать. А я не желала думать о том, что Доминик мог иметь какое-то отношение к тому, что за мной присматривают.

Он возглавлял армию, к которой присоединился Джордан. Он должен был догадаться. Должен был сделать... что-нибудь.

Рационально ли так думать? Нет, ни капли. Но горе не оставляло места разуму, оно наполняло каждую клеточку тела.

Облака затянули небо, скрыв звезды и растущую луну, — еще не полную, но близящуюся к этому. Я подняла голову к небесам, в душе желая дождя, грома и молнии. Желая, чтобы погода отразила мою боль.

Я направилась к месту проведения похорон. Могильные холмы располагались к северу от крепости; вход на кладбище был усажен неизвестными мне деревьями, которые приходилось обходить. Больше всего они походили на плакучую иву, только стволы, листья и ветви имели чернильный оттенок и радужный перелив, который играл даже при тусклом свете звезд. Деревья выглядели так, словно сгорели дотла, а потом каким-то невообразимым чудом вернулись к жизни. Я наблюдала, как они двигаются, мягко покачиваясь на ветру.

Вот только ветра не было.

Я подняла руку, чтобы раздвинуть крону черных листьев, и ахнула. Деревья двигались сами

по себе. Тонкие, как плети, ветви заскользили по моей коже, а листья, похожие на бархатные пальцы, коснулись щек. Если бы я плакала, они точно смахнули бы слезы.

В первое мгновение это место показалось жутким, а потом произошло что-то волшебное... даже чудесное, отчего закружилась голова.

Я прошла мимо деревьев, неохотно покидая их объятия, и уставилась на открывшуюся передо мной сцену. Черные ивы открыли вид на огромную поляну размером с два футбольных поля. Развернувшаяся сцена занимала лишь небольшую ее часть.

Волчьи стаи собрались вокруг тела, что лежало на платформе, доходящей до пояса.

Я на автопилоте двинулась прямо к Джордану. Он ушел, от него осталась лишь оболочка. Я знала это каждой клеточкой сердца и души, и все же внутри теплилась глупая надежда, что он разыгрывает меня. Мне хотелось увидеть, как Джордан сейчас сядет и скажет, что все это было шуткой и на самом деле он никуда не ушел.

Я подошла к нему и заглянула в его лицо. Джордан выглядел таким умиротворенным; казалось, он спит. Его губы изображали мягкую улыбку, а глаза были плотно закрыты. Его руки лежали на груди и сжимали меч.

Это тот самый меч, который он взял с собой в бой? Бой, в котором ему не следовало участвовать. Бой, к которому он тайно присоединил-

ся, дабы доказать своей новой семье, что достоин быть ее частью.

Мои губы задрожали — эмоции нахлынули вместе с воспоминаниями, которые пронзали тело насквозь.

В памяти всплыло то, как я нашла восьмилетнего Джордана на улице, едва не замерзшего насмерть. Он был невероятно сильным, ведь на протяжении многих лет ему удавалось выживать в одиночку. Джордан был намного умнее меня и все же иногда искал защиты под *моим* крылом.

Но затем произошел несчастный случай, который отнял у него так много... Травма головы, которую он никогда не должен был получить. Я вспомнила то, как ухаживала тогда за ним, зная, что он — единственная моя семья за последние пять лет.

Я прикоснулась к тому месту, где стрела пронзила его сердце. То, как Джордан из последних сил и преодолевая боль шел в крепость, чтобы попроситься, было выше моего понимания. Может, это был какой-то судьбоносный поворот, который подтолкнул меня в нужном направлении.

Или вынудил остаться.

Я стянула браслет с запястья, даже не сосчитав, сколько бусин осталось. Я отсчитывала дни до того момента, когда мы должны были встретить наш корабль и совершить побег. Но это не имело значения.

Больше нет.

— Мне так жаль, что я не смогла спасти тебя, — прошептала я, целуя его в лоб. — Я найду способ заставить ее заплатить. Клянусь своей жизнью.

Я с осторожностью надела браслет на его запястье, а затем положила неподвижную руку обратно.

Незнакомая мне женщина вышла вперед. Ее темно-каштановые волосы были тронуты сединой, а глубокие карие глаза устремились на меня. Она ничего не сказала, подходя к Джордану.

— Мой мальчик... — Ее голос сорвался, и она рухнула на него, обняв. В последний раз.

Я подавила стон прежде, чем он вырвался, и отступила назад. Один за другим члены его новой семьи подходили, чтобы попрощаться.

Каждый из них проливал слезы безо всякого стыда.

Каждый из них прижимался носом к носу Джордана. Прощание, которого не должно было быть.

Я отступала все дальше и дальше, пока снова не оказалась почти у черных ив. Оборотни выстроились вокруг платформы, на которой лежал Джордан, а затем зажгли факелы, замерцавшие ярким светом в ночи.

Следом подошел крупный мужчина, похожий на медведя, — и если бы не седина в его волосах, то было бы сложно угадать, сколько ему лет.

— Этой ночью клан Киллиана прощается с нашим мальчиком Джорданом. Чистый серд-

цем, нежный душой, он любил свою семью. — Его взгляд скользнул по мне. — Всю свою семью, где бы они ни были, он любил всем своим могучим сердцем.

Моя нижняя губа задрожала, тело затряслось, но я взяла себя в руки.

— Он пошел на подвиг, чтобы показать, какой он воин и борец, во славу клана Киллиана. Не потому, что его об этом попросили, а потому, что он хотел стать одним из нас. И я искренне надеюсь, что Джордан знал о том, что в наших сердцах он уже был частью этой семьи.

Женщина с проседью в волосах всхлипнула.

Я прикусила нижнюю губу и вдруг поняла, что смотрю на Доминика. Его взгляд был прикован ко мне, и на мгновение, прежде чем отвела глаза, я увидела в нем отражение своей боли. Би стояла недалеко от Уилла, склонив голову и обхватив себя руками. Она едва знала Джордана, но я не сомневалась, что она будет горевать вместе со мной. Таким она была другом.

Самым лучшим.

— И этой ночью мы желаем Джордану, всегда хранимому в наших сердцах, безопасного путешествия из этого мира в другой. — Альфа клана Киллиана взял ближайший факел, перевернул его и потушил о землю.

Один за другим, по кругу гасли факелы, пока поляну не накрыла тьма.

Тишина, абсолютная тишина.

Пока ее не нарушил один голос — низкий заунывный вой — сперва едва слышный, а затем все сильнее нарастающий по своему звучанию. К нему присоединился еще один волчий вой, затем еще и еще. Это была не какофония, а слияние и гармония голосов, которые говорили в унисон со мной, пусть я и не понимала их.

Горе, боль, любовь, надежда. Прощание, которого Джордан заслуживал и которого у него никогда бы не было, умри он на материке. Там вёрхом удачи для нас была бы лишь неглубокая могила.

Песнь волков пронзила меня, высвобождая последние силы, которые я держала вместе со своими эмоциями.

Они любили его. Они горячо любили его, несмотря на то, что Джордан пробыл с ними совсем немного. Не приди я сюда, он бы не пошел в бой. И по-прежнему был бы жив. Слезы подступили с новой силой. Рыдания сотрясали тело. Потребность выть в небо от собственной боли, тем самым присоединившись к волкам, была непреодолимой. Я зажала рот рукой; слезы потекли по щекам, когда песнь семьи Джордана окончательно лишила меня самообладания.

Неровной поступью я попятилась прямо к краю черных ив, пока мои глаза застилала пелена слез. Деревья дрожали и танцевали, бархатные лепестки смахивали слезы с моих щек быстрее, чем они появлялись.

